

Д.К. АНДРАМОНОВ, Д.Н. ЛУКМАНОВ

**ЦЕННОСТНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ НОНКОНФОРМИЗМА
В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА**

Статья посвящена анализу специфики и различий ценностно-культурных оснований неконформного поведения в обществе «раннего» и «позднего» постмодерна. Неконформизм рассматривается в контексте феномена контркультуры и его эволюции с момента возникновения до современности.

Ключевые слова: *неконформизм, конформизм, контркультура, массовая культура, постмодерн, общество постмодерна*

Андромонов Дмитрий Константинович - ассистент кафедры исторического и социально-экономического образования, Самарский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования. E-mail: zdorov.monitor@sipkro.ru

Лукманов Дамир Нургалеевич - методист кафедры методики физической культуры и оздоровительно-профилактической работы, Самарский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования. E-mail: zdorov.monitor@sipkro.ru

D.K. ANDRAMONOV, D.N. LUKMANOV

**VALUE-CULTURAL FOUNDATIONS NONCONFORMISM
IN THE POSTMODERN SOCIETY**

This article analyzes the specifics and differences of values and cultural bases of nonconformist behavior in the society of “early” and “late” postmodernity. Nonconformism is considered in the context of counter-culture phenomenon and its evolution since the beginning to the present days.

Keywords: *nonconformism, conformity, counter-culture, mass culture, postmodernism, postmodern society*

Dmitrii K. Andramonov - assistant at the Department of Historical and Socio-economic Formation, Samara Regional Institute for Advanced Studies and Retraining of Educators. E-mail: zdorov.monitor@sipkro.ru

Damir N. Lukmanov - methodologist at the Department of Methods of Physical Education and Health Improvement and Preventive Work, Samara Regional Institute for Advanced Studies and Retraining of Educators. E-mail: zdorov.monitor@sipkro.ru

Дихотомия конформизм/неконформизм в гуманитарном знании имеет различные и зачастую противоположные по аксиологическим посылкам интерпретации. Мы, прежде всего, будем рассматривать неконформизм как двустороннее явление, отталкиваясь от положения о том, что неконформное поведение структурировано двумя базовыми элементами: отрицанием доминирующей ценностно-нормативной системы и утверждением её альтернативы. В случае, если мы имеем лишь первый элемент структуры, то речь идёт о негативном неконформизме («негативизме»), сутью которого является сама деструктивная интенция (поведения или мировоззрения), при этом не предполагающая содержательной альтернативы. Также мы будем отталкиваться от негативной трактовки феномена конформизма в том смысле, в котором под конформизмом понимают некритическое воспроизводство образцов поведения, диктуемых доминирующей

ценностно-нормативной системой общества. Такая узкая трактовка конформизма обусловлена направленностью нашего исследования на ценностные основания именно неконформного поведения, с позиций которого конформизм представляется явлением негативным. Для анализа специфики и изменений в ценностно-культурном фундаменте социального неконформизма мы попытаемся оценить характер массовых протестных выступлений конца 60-70-х годов, захвативших все крупные западные постиндустриальные общества. В связи с этим мы обратимся к порождённому ими феномену «контркультуры», употребляя этот термин в значении близком по смыслу к задумке его авторов и популяризаторов - Т. Розака и Ч. Райча, то есть в значении социокультурного явления, принадлежащего описываемому историческому периоду. Как доминанту содержания данного явления следует отметить острую критику экономических и культурных ин-

ституты той модели общества, которую принято называть «обществом потребления». При этом рост протестных настроений, несмотря на критику экономических институтов, обусловлен скорее внеэкономическими причинами - культурными и социально-политическими. Под обществом постмодерна мы будем понимать современное состояние постиндустриальных либерально-демократических государств, в которое они вступили согласно традиционной хронологии в 50-е годы XX века. При этом мы условно разделим данный культурно-исторический период на «ранний» и «поздний» постмодерн. Ранний постмодерн мы свяжем со становлением социального «государства благосостояния» в 50-70-е годы, а поздний - с окончанием холодной войны, началом процессов глобализации, возникновением мультикультуралистского политического дискурса и ценностно-нормативной модели этического плюрализма.

В рамках последовательной трансформации роли и функций контркультуры по отношению к обществу потребления следует выделить три фазы. Первая фаза связана с конкретными политическими требованиями масс, среди которых можно выделить позитивные, например, требования гражданских прав для разного рода групп социальных меньшинств и негативные - смену «репрессивной» капиталистической модели экономики (с высокой долей участия государства). Позитивная повестка содержала призывы к расширению гражданской автономии всего общества, как того требовали анархисты (Д. Герен) и неоконсерваторы (Р. Нейсбит), или борьбу за гражданские права меньшинств. В качестве негативного примера наиболее радикальной позиции мы приведём высказывание немецкой террористки Ульрики Майнхофф, сделанное после серии поджогов во Франкфурте-на-Майне в 1968 году, согласно которому «лучше сжечь универсам, чем управлять универсамом» [1, с. 155]. Данное высказывание указывает на пределы социально-политического неконформизма, на его деструктивную сторону, совпадающую с экстремизмом и терроризмом.

Вторую фазу, связанную с «культурным» (идейным) и частично политическим уровнем, можно обозначить как отказ от политических методов и своего рода попытку бегства от социальной и культурной действительности (нечто схожее с ретритизмом по П. Штомпке) через организацию максимально независимых

от внешнего мира сообществ - таков групповой ретритизм коммун хиппи (впрочем, ретритизм может быть и индивидуальным) [9, с. 296-297]. Г. Маркузе называет это «тенденцией к эскапизму» в тоталитарных обществах [5, с. 318]. Здесь стоит заметить, что в тоталитарных обществах (а представители контркультуры считали западное общество тоталитарным) создание системной оппозиции невозможно. Однако возникает следующая парадоксальная ситуация - отказ от острого конфликта с обществом превращает контркультуру в субкультуру, вследствие чего она теряет весь свой неконформистский пафос. Впрочем, такое положение дел отнюдь не воспринимается как поражение ни автором концепта контркультуры Т. Розаком, ни Ч. Райчем, ни многими другими авторами, симпатизирующими практикам борьбы против общества потребления, так как прекращение политической борьбы и отказ от конкретных политических действий, с их точки зрения, означает лишь переход к конфликту идей. То есть контркультура становится исключительно идейно-ценностным явлением: «Радикализм политический в самом деле претерпевает в 80-е годы серьёзный кризис, но радикализм культурный, связанный с противостоянием господствующей системе ценностей, приоритетов, жизненных ориентаций, связанный с «революцией сознания», напротив, усиливается. Это проявляется в феномене постиндустриального сдвига в культуре, в различных течениях постмодернизма, в новых «альтернативных» движениях» [7, с. 21.] Одним из таких альтернативных движений можно назвать деятельность «Международной ассоциации свободы» Тимоти Лири, проповедовавшего приём запрещённых впоследствии психоделических наркотических веществ: «Мы убеждены в том, что культурные институты (какими бы либеральными они ни были) не в состоянии создать роли, правила, ритуалы, ценности, слова и стратегии, необходимые для устранения внешнего контроля над внутренней свободой... Наша задача заключается в том, чтобы создать культурную игру, которая стала бы не-игрой или метаигрой» [8, с. 20]. Данный пассаж можно рассматривать как одно из подтверждений ценностно-культурной природы новых форм протеста, в основе которых лежит философский тезис об освобождении личности, но вместе с тем нам кажется очевидным, что выбор такой формы борьбы в обозримой перспективе ведёт лишь к ретритизму и маргинализации.

Таким образом, мы подходим к третьей фазе в динамике массовых нонконформистских тенденций в обществе постмодерна, которая совпадает с современностью в целом или с постмодерном поздним. Здесь стоит обратить внимание на ключевой пункт, раскрывающий особенности дихотомии конформизм/нонконформизм в культуре общества позднего постмодерна. Суть его заключается в том, что контркультурная идеология, начиная с полного отрицания основ западного общества, затем, занимая периферийные позиции субкультурной идеологии, в итоге становится частью той же массовой культуры, на противопоставлении себя которой и была выстроена. Более того, со временем индивидуалистический демонстративный нонконформизм в 80-90-е годы XX в. становится одним из самых популярных и тиражируемых типов поведения. Фактически демонстративный нонконформизм приобретает черты конформизма. Происходит это вполне естественным образом и в духе распространённых практик потребления. Некоторые авторы видят здесь «социальный заказ» властей и осмысленную политику: «С целью выполнить «социальный заказ» властей и интегрировать контркультуру в «истеблишмент», в структуру общества, чтобы нейтрализовать бунтующую молодёжь и не пустить её «слишком далеко», вокруг контркультуры был поднят гигантский коммерческий бум: американское общество буквально заволокли потоки книг, статей, фильмов, аудиокассет, телепрограмм по поводу контркультуры (открывались даже «контркультурные» парикмахерские, пекарни, церкви...)» [7, с. 19]. Такое доведение до абсурда нонконформистского посыла воспринимается сторонниками движения контркультуры сквозь призму *теории кооптации*. Стоит она в том, что репрессивные свойства системы могут проявляться не только в виде прямых санкций, но и через ассимиляцию сопротивления. Система добивается такого эффекта путём присваивания и тиражирования символов контркультуры до тех пор, пока они не лишатся нонконформных (или прямо подрывных) содержания в сознании масс. Г. Маркузе называл такую практику «репрессивной толерантностью» [2, с. 51; 6]. В свою очередь противодействие этим «тоталитарным» техникам также может быть доведено до абсурда. Например, Н. Кляйн в своём манифесте альтерглобализма «No logo. Люди против брендов» (2000) предлагает бороться с консюмеризмом посредством всё того же демонстративно-

го нонконформизма. Этот пример можно считать показательным, ибо на современном этапе контркультура лишена тех ценностно-культурных оснований, которыми она обладала в 60-70-е годы. Как мы говорили выше, позиции нонконформизма строятся на принципах отрицания доминирующих ценностей и утверждения альтернативных. В современных же условиях контркультурный проект носит скорее идеологический характер, осуществляющий редукцию сложного комплекса противоречий социокультурной динамики постиндустриальных обществ к упрощённым противопоставлениям, как правило, между свободным, революционно настроенным индивидом и безликим тоталитарным давлением системы. На наш взгляд, современная ситуация такова, что скорее следует констатировать затруднения в определении позиций, вызванные отсутствием такого острого ценностно-нормативного конфликта. Более того перспектива возникновения такого конфликта выглядит весьма незначительной в силу принципиальной ценностной плюралистичности общества постмодерна.

Итак, современная контркультура, основанная на демонстративном нонконформизме, скорее представляет из себя мифологическую систему, более способствующую практикам потребления, чем им противостоящей. Если в раннем постмодерне действительно имел место ценностно-нормативный конфликт между зарождающимися ценностями более свободного общества этического плюрализма и устаревшими консервативными институтами, то в позднем постмодерне он теряет свою остроту и актуальность. Антинормативистская установка, выработанная контркультурой, способствовала расцвету индивидуализма, который в крайних формах, как пишет Ж. Липовецки, приобретает черты «нарциссизма» [4]. Отсюда следует массовое стремление к демонстративному нонконформизму, по сути дела являющимся лишь массовой конформистской тенденцией. Распространение такой модели поведения обусловлено тем самым нарушением «классической» структуры социальных связей общества модерна, которая, помимо всего, затрагивает психологические особенности становления идентичности (в эпоху позднего постмодерна). О «патологическом нарциссизме» также говорит С. Жижек, описывая индивида, который имеет «те или иные “роли”, но не положительные символические полномочия; он остаётся свободен от лю-

бых обязанностей, которые влекли бы за собой положительную символическую идентификацию» [3]. Данный социальный тип, порождаемый современной культурой, по мнению Жижека, суть «сто-процентный конформист, который парадоксальным образом ощущает себя вне закона» [3]. В иных формах контркультура как массовое явление современности практически не представлена. Причем её возникновение представить затруднительно из-за сопутствующего позднему постмодерну мультикультуралистского и ценностно-плюралистического дискурса. Из чего также можно сделать вывод о том, что сложность современных социокультурных систем настолько высока, что все возникающие ценностно-нормативные конфликты скорее будут иметь локальный, а не стратегический характер. То есть риск возникновения конфликта более связан с проблемой границ различных ценностно-нормативных комплексов, чем с проблемой автономии индивида в его сопротивлении «тотальной» ценностно-нормативной системе.

Список литературы

1. Брасс А. Кто есть кто в мире террора / А. Брасс. - М.: Русь-Олимп; Астрель; АСТ, 2007. - 344 с.
2. Дж. Хиз. Э. Поттер. Бунт на продажу. - М.: «Добрая книга», 2007. - 256 с.
3. Жижек С. Глядя вкось. Введение в психоанализ через массовую культуру [Электронный ресурс] // Бесплатная электронная библиотека. - 2011. - URL: <http://knigi1.dissers.ru/books/library1/8125-23.php> (дата обращения 16.12.15).
4. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. - СПб.: Владимир Даль, 2001. - 336 с.
5. Маркузе Г. Одномерный человек. - М.: «REFL-book», 1994. - 368 с.
6. Маркузе Г. Репрессивная толерантность // Критическая теория общества. Избранные работы по философии и социальной критике. Пер. с англ. А.А. Юдина. - М.: Астрель, 2011. - С. 98-139.
7. Султанова М.А. Философия контркультуры Теодора Роззак (очерк философской публицистики). - М.: ИФРАН, 2009. - 175 с.
8. Тимоти Лири. Искушение будущим // Под ред. Р. Форте, пер. с англ. Ш. Валиева. - М.: Ультра Культура, 2004. - 448 с.
9. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. С.М. Червонной. - М.: Логос, 2005. - 664 с.